

А. А. ЧИБИЛЁВ

Институт степи УрО РАН,
460000, Оренбург, ул. Пионерская, 11, Россия, orensteppe@mail.ru**ИСТОКИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЗАПОВЕДНОГО ДЕЛА РОССИИ**

Рассматриваются особенности развития заповедной системы в России. Отечественное заповедное дело зародилось задолго до 1917 г. На его становление оказали воздействие западноевропейские идеи природоохраны и опыт создания североамериканских национальных природных парков, накопленный с последней четверти XIX в. Несмотря на это воздействие, сеть заповедников СССР приобрела свою уникальность, стала одним из важнейших достижений страны в XX в. Идея заповедной природы имеет глубинные корни в истории России и была обозначена в отечественной литературе задолго до ее реализации. В теории и практике заповедного дела России сложились три основные его трактовки: утилитарно-прагматическая, эгоцентрическая и научно-экологическая. Идея классических заповедников базируется на научно-экологическом подходе, обоснованном в трудах В. В. Докучаева, Г. А. Кожневникова, Ф. Р. Штильмарка и др. Предлагается воссоздать специализированный государственный орган, обеспечивающий абсолютную неприкосновенность заповедных территорий. Существующая географическая сеть заповедников России нуждается в дальнейшем развитии с целью достижения оптимальной репрезентативности. Важным ориентиром для ее оптимизации является проект, подготовленный в 1917 г. В. П. Семёновым-Тян-Шанским.

Ключевые слова: заповедник, девственная природа, лаборатории природы, национальные парки, ландшафтное разнообразие.

A. A. CHIBILEV

Institute of Steppe, Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
ul. Pionerskaya, 11, Orenburg, 460000, Russia, orensteppe@mail.ru**THE ORIGINS AND DEVELOPMENT PATHS OF ZAPOVEDNIK MANAGEMENT IN RUSSIA**

The evolution characteristics of the zapovednik system in Russia are considered. The national zapovednik management activities emerged well before 1917. Its further strengthening was influenced by the Western European ideas of nature conservation, and by experience of the establishment of North American national nature marks accumulated since the last quarter of the 19th century. In spite of this influence, the network of zapovedniks of the USSR acquired its uniqueness and became one of the country's most important achievements in the 20th century. The idea of conserving nature is deeply rooted in the history of Russia and was raised in the national literature long before its practical implementation. Three main interpretations in the theory and practice of zapovednik management of Russia have hitherto been used: utilitarian-pragmatic, ecocentric, and scientific-ecological. The idea of classical zapovedniks is based on the scientific-ecological approach substantiated in publications of V. V. Dokuchaev, G. A. Kozhevnikov, F. R. Shtilmark, and others. It is suggested that a specialized state body be re-established to ensure absolute conservation of preservation territories. The existing geographical network of zapovedniks of Russia needs further development in order to achieve optimal representativeness. An important benchmark in its optimization is provided by the project prepared in 1917 by V. P. Semenov-Tyan-Shanskii.

Keywords: zapovednik, pristine nature, laboratory of nature, national parks, landscape diversity.

Российская система территориальной охраны природы, в основе которой лежит географическая сеть заповедников, представляющих все ландшафтные зоны и крупные регионы страны, является уникальным наследием прошлого века. В XXI в. в условиях все более ощутимых антропогенных и климатических изменений первозданные и малоизмененные ландшафты как своеобразные лаборатории природы становятся эталонными (ключевыми) территориями, необходимыми не только для глобального мониторинга состояния природной среды, но и для обеспечения национальной экологической безопасности страны.

Современная история заповедного дела России началась с создания Постоянной природоохранительной комиссии Императорского Русского географического общества (ППК ИРГО) в 1912 г. и

с доклада В. П. Семёнова-Тян-Шанского «О типах местностей, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков», подготовленного к совещанию Природоохранительной комиссии 19 октября 1917 г.

В пояснении к докладу В. П. Семёнов-Тян-Шанский пишет: «В природоохранении следует различать две цели: одна, более мелкая, заключается в охране отдельных естественно-исторических предметов: редких видов растений и животных и одиночных геологических объектов. Другая, значительно более грандиозная, заключается в охране их естественных, величавых сочетаний на известных пространствах, в охране сразу тех комплексов их, из которых свободным, ничем не стесненным действием природных сил складывается лик Земли в данной стране» [1, с. 36–37]. В своем докладе ученый сформулировал основной принцип деятельности заповедников — «сохранение на вечные времена в нетронутых видах грандиозных естественных, типичных географических ландшафтов нашей великой родины» [1, с. 36].

В докладе В. П. Семёнова-Тян-Шанского четко прослеживаются идеи, высказанные членами ППК ИРГО, в период становления этого первого в России общественного природоохранительного органа образовавшими своеобразную «могучую кучку» заповедного дела [2].

Отдавая должное американским и европейским традициям в области природоохраны, связанным с именами А. Гумбольдта, впервые в 1818 г. применившего термин «памятник природы», американских идеологов охраны дикой природы Р. Эмерсона, Г. Торо, Д. Мьюира, О. Леопольда, Д. Марша, немецкого ученого Г. Конвенца [3, 4], необходимо упомянуть о зарождении и развитии идеи сохранения нетронутой природы в русской литературе.

Одно из первых отражений восприятия девственной природы как важнейшего условия гармонии человеческой жизни мы находим у Н. М. Карамзина, выдающегося литератора и историка. В его очерке «Деревня» (1794 г.) содержатся такие проникновенные строки: «Благословляю вас, мирные сельские тени, густые, кудрявые рощи, душистые луга и поля, златыми класами покрыты! Благословляю тебя, тихая речка, и вас, журчащие ручейки, в нее текущие! Я пришел к вам искать отдохновения...» [5, с. 228]. Он впервые заговорил об уникальных творениях природы, которые позднее А. Гумбольдт стал называть *Naturdemkmaller* — памятниками природы. Вспоминая свое детство, проведенное в деревне в завожской лесостепи, Н. М. Карамзин пишет: «...Как мила Природа в деревенской одежде своей! Ах! она воспоминает мне лета моего младенчества, лета, проведенные мною в тишине сельской, на краю Европы, среди народов варварских. Там воспитывался дух мой в простоте естественной; великие феномены Натуры были первым предметом его внимания...» [5, с. 228]. Можно почти с уверенностью сказать, что «феномены Натуры» и есть те самые памятники природы, для сохранения которых в XX в. стали создаваться заповедники. О заповедном предназначении таких мест свидетельствуют и следующие слова писателя: «...Натура лучше нашего знает, где расти дубу, вязу, липе; человек мудрит и портит...» [5, с. 229].

Эти идеи Н. М. Карамзина прослеживаются и в творчестве русского художника, философа, писателя Н. К. Рериха. Еще в своих ранних статьях (1901) он писал: «Самый тщательный кусок натурального пейзажа все же лучше даже вовсе не самого плохого создания рук человека» [6, с. 36]. Или там же [6, с. 30]: «Припадая к земле, мы слышим. Земля говорит: все пройдет, потом хорошо будет. И там, где природа крепка, где природа нетронута, там и народ тверд без смятения». По сути, еще до формирования общественных и государственных органов природоохраны Н. К. Рерих осознавал необходимость изменения отношения к первозданной природе, указывал на жестокость при обращении с природой [6].

Мотивы преклонения перед первозданной (дикой, нетронутой, девственной) природой звучали в произведениях классиков русской литературы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, С. Т. Аксакова, Е. А. Баратынского, Н. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева и многих других [7, 8]. Постепенно идеи сохранения островов нетронутой природы стали овладевать учеными и практиками-землевладельцами.

Обобщая основные литературные источники конца XVIII–XIX вв., мы не нашли подтверждения того, что понятия «нетронутая, девственная природа» и «заповедная природа» тождественны. В России с XVII до начала XX в. в законодательной практике слово «заповедный» употреблялось в двух значениях — «заповедные леса» и «заповедные имения». Первоначально (XVII–XVIII вв.) слово «заповедный» применялось к лесам, лесным породам или даже отдельным деревьям особой ценности. Запреты имели как религиозно-этические, так и хозяйственные мотивы. В. И. Даль в качестве синонимов к словам «заповедник», «заповедище» приводит следующие слова и словосочетания: заповедный лес, роща, где рубка запрещена, божелесье, пуща, запретник, засека, моленый лес, заказник, зарощи, запуск, заказная роща [9]. Эти термины сохранились до наших дней в географических названиях, на-

пример: Беловежская Пуша, Тульские и Калужские засеки, урочище Молёный лес и т. д. Согласно В. И. Далю, «заповедать лес» означает «запретить в нем рубку». Это сопровождалось торжественной службой: священник с образами или хоругвями обходил лес при народе и запрещал въезд в него на известное число лет [9]. В. И. Даль приводит примеры народных изречений, связанных с заповедными местами: «Заповедного не трогать», «Чур заповедано», «Помни праотцев: заповедного не тронь!» [9, с. 1023]. Статус заповедного, с одной стороны, ограждал лес от истребления и истощения, а с другой — поощрял ведение грамотного лесного хозяйства.

В 1802 г. заповедные леса стали называть корабельными. В 1836 г. все корабельные и так называемые казенные леса были переданы Министерству государственных имуществ. О заповедном статусе наиболее ценных лесов говорится в статье русского лесовода Г. Вильдермета «О пользе заказных рощ», опубликованной в 1837 г. в «Лесном журнале»: «Из лесов казенных выделяются заказные рощи в неприкосновенный запас, и тогда рощи сии получают от поселян название заповедных. В сем названии заключается для жителей нечто священное, ибо рощи, получившие такое название, согласно предначертанию своему, становятся неприкасаемыми» [10, с. 12].

С 1888 г., после утверждения «Положения о сбережении лесов», название «заповедные» распространилось на все леса, принадлежащие казне и частным лицам.

Долгое время слово «заповедный» не имело никакого отношения к степям и лугам. В 1845 г. с целью поддержания крупных дворянских родов был установлен значительный размер (от 10 до 100 тыс. десятин) удобной земли, неделимой, переходящей к наследникам по особому порядку наследования, — так появились «заповедные имения» [11].

Крестьянская реформа 1861 г. сохранила дворянское землевладение. Крестьяне, получившие личную свободу, были наделены землей, не всегда удобной для возделывания, но вынуждены были ее обрабатывать для самообеспечения и выполнения обязанностей перед правительством и помещиком. В результате уже к концу XIX в. в так называемой черноземной степной полосе староосвоенных территорий России практически не осталось нераспаханных лугово-степных и степных угодий, за исключением заповедных имений. Дворяне могли позволить себе не распахивать полностью свои земли и сохранять на них режим неприкосновенности. Так, к началу XX в. сложилась своеобразная сеть степных участков в заповедных имениях дворян Европейской России. Это позволило сохранить островки первозданных степей к моменту, когда в стране сложились первые ботанические научные школы и зародилось природоохрнительное движение. Таким образом, понятия «заповедник», «заповедный» применялись в российском законодательстве до того, как возникли первые государственные институты заповедного дела.

Совершенно новое содержание в понятие «заповедный» вложил в 1895 г. В. В. Докучаев. Подводя итоги своей экспедиции по степям юга Европейской России, он пришел к выводу о необходимости заповедания участков девственной природы. По его мнению, это бы позволило сохранить оригинальный степной мир для потомства [12]. Именно этот труд В. В. Докучаева [12] положил начало современной истории заповедного дела России, столетию которого Ф. Р. Штильмарк посвятил свою «Историографию российских заповедников» [13].

Идеи В. В. Докучаева о создании заповедных участков нашли свое практическое воплощение уже в конце XIX—начале XX вв. Сначала (в 1898 г.) на землевладениях Ф. Э. Фальц-Фейна на юге Херсонской губернии, а затем в заповедных имениях дворян Самарской, Тамбовской, Воронежской, Харьковской и других губерний появляются первые частные, преимущественно степные заповедники [7, 8]. Постепенно понятия «заповедный», «заповедник» приобретают значение, близкое к современному, хотя даже среди членов ППК ИРГО не было единого мнения о содержании этого термина, а в проекте Д. С. Соловьёва, опубликованном под эгидой комиссии в начале 1918 г. [14], предусматривалось около 30 типов организаций, способствующих охране природы.

Как уже было отмечено, на становление заповедного дела в России оказали влияние европейские и североамериканские идеи природоохраны (именно на становление, а не на зарождение и дальнейшее развитие). Считается, что монография Г. Конвенца «Практика охраны природы» (1904) [15] положила начало современным представлениям о заповедности, однако в 1895 г. уже был опубликован труд В. В. Докучаева [12]. В 1908 г. профессор Московского университета Г. А. Кожевников на юбилейном Всероссийском акклиматизационном съезде изложил русскую альтернативную идею абсолютной заповедности [16]. Основные положения идеи достаточно полно раскрыты в работах Ф. Р. Штильмарка [13] и В. Е. Борейко [3]. Считаем целесообразным привести лишь одну цитату из доклада Г. А. Кожевникова — классического труда, определившего весь дальнейший ход развития отечественного заповедного дела: «Участки, предназначенные для того, чтобы сохранить

образцы первобытной природы, должны быть довольно большого размера, чтобы влияние культурности соседних местностей не отражалось на них, по крайней мере на далеких от края частях их. Участки эти должны быть заповедными в самом строгом смысле слова. По отношению к фауне в них должна быть абсолютно запрещена всякая стрельба и ловля каких бы то ни было животных, за исключением тех случаев, когда это нужно для научного исследования. Всякие меры, нарушающие естественные условия борьбы за существование, здесь недопустимы. По отношению к флоре необходимо отменить прорубание просек, подчистку леса, даже сенокос и, уж конечно, всякие посевы и посадки... Заповедные участки имеют громадное значение, а потому устройство их должно быть прежде всего делом государственным» [16, с. 136]. Позднее Г. А. Кожевников ввел в науку понятие о заповедниках как эталонах природы, которых не будет касаться рука человека [17]. Принципы неприкосновенности заповедных территорий, разработанные Г. А. Кожевниковым, были положены в основу большинства юридических документов и постановлений, обеспечивавших создание и функционирование заповедников в СССР вплоть до 1930 г.

Идеи Г. А. Кожевникова были широко поддержаны и существенно дополнены его коллегами по ППК ИРГО – И. П. Бородиным, Г. Ф. Морозовым, В. И. Талиевым, В. П. и А. П. Семёновыми-Тян-Шанскими и др. В этой плеяде ученых выделяется имя И. П. Бородина, инициатора создания комиссии [18, 19].

Деятельность ППК ИРГО в 1912 г. положила начало формированию заповедного дела в России и определила разнообразие подходов к созданию сети особо охраняемых природных территорий и взглядов на то, что считать заповедником, — от классических заповедников Г. А. Кожевникова и его последователей до научных станций и экспериментальных полигонов, вольерных комплексов, туристических зон с развитой инфраструктурой [8, 18, 20].

На конференции по международной охране природы 1913 г. в Берне в представленных докладах были четко определены критерии понятия «заповедник», которое означает «неприкосновенное убежище» для живой природы. В докладе П. Саразена была дана объективная оценка американского опыта территориальной охраны природы, отмечалось, что американские национальные парки не являются полными заповедниками, а представляют собой нечто вроде публичных садов и площадок, куда, благодаря прекрасным дорогам и обилию хороших отелей, открыт удобный доступ для широкой публики [21].

По мнению Ф. Р. Штильмарка, несмотря на создание лучшей в мире системы национальных парков, резерватов и территорий дикой природы (Wilderness area), в США, как и в других странах мира, не были организованы заповедники, основанные на принципе полного невмешательства человека в природные процессы, с предоставлением самой природе определенных возможностей для самотворчества [13].

Остается только сожалеть, что неровная судьба заповедного дела в СССР и России, состоявшая из взлетов и падений, а иногда разгромов (1951, 1961 гг.), не позволила обеспечить поступательное развитие географической сети заповедников и защитить уже созданные эталоны — лаборатории природы — от грубого вторжения хозяйствующих субъектов, туристического бизнеса, а также от бездумных экспериментов [8, 18, 22]. После того как наши заповедники оказались в ведении Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации (с 2000 г.) и даже несколько раньше, началось массовое паломничество сотрудников заповедников и соответствующих природоохранных ведомств в национальные парки США и других стран. Внедрение зарубежного опыта природоохраны, предусматривающего управление охраняемыми экосистемами, целенаправленное вмешательство в природные процессы (пирогенное воздействие, регулирование численности видов, постановка экспериментов и т. д.), представляет собой реальную угрозу для сохранения последних островов российской заповедной природы. Это предвидел один из наиболее последовательных и ярких сторонников русского классического заповедного дела — Ф. Р. Штильмарк: «Существующая ныне сеть заповедников есть одно из немногих удачных детищ советской системы... но все больше признаков того, что суждено этой сети пополнить собою печальный список наших потерь и утрат» [23, с. 327].

На протяжении всей 100-летней истории заповедного дела России не утихают дискуссии о том, что такое заповедник, каким должен быть заповедный режим. В этом обсуждении участвуют ученые РАН, деятели природоохранных органов и экологического движения, средства массовой информации. Эти споры охватили интернет-ресурсы, особенно в связи с инициативами Министерства природы России по развитию в заповедниках экологического туризма и принятием в 2016 г. поправок в федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» [24], ослабляющих режим

охраны заповедников. Принятые поправки позволяют уменьшать площади заповедников, строить гостиницы и горнолыжные курорты на их территории, а значит, уничтожать наиболее ценные экосистемы.

Практика государственного управления заповедниками России последних лет и новые инициативы по ослаблению охранного режима федеральных особо охраняемых природных территорий (ООПТ) свидетельствуют о необходимости принятия новых подходов к решению вопроса о будущем заповедного дела. Обобщая известные представления о главных тенденциях развития территориальной охраны природы [3, 13, 25–27], можно выделить три направления развития системы ООПТ: утилитарно-прагматическое, эоцентрическое, основанное на этике нетронутой природы, и научно-экологическое, опирающееся на концепцию классических заповедников. За каждым из этих направлений стоят солидные научные школы, и каждое в той или иной степени востребовано государством и обществом.

Утилитарно-прагматическая идеология природоохраны направлена на сохранение биологического и ландшафтного разнообразия в процессе природопользования, развитие природоподобных технологий, создание продуктивных управляемых экосистем, постановку экспериментов с целью изучения природных процессов и их оптимизации. Данное направление обеспечивает экономическое развитие социума. Все эти виды деятельности, включая реинтродукцию видов, регулирование их численности, любые виды рекреационно-туристской деятельности, несовместимы с понятиями «заповедный», «заповедник» и должны быть выведены за пределы природных заповедников и заповедных зон других категорий ООПТ. Именно на этих территориях за пределами заповедников может быть открыт широкий простор для проведения прикладных научных исследований. Территории и объекты управляемого природопользования должны называться своими именами, но только не заповедниками.

Заслуживает уважения и эоцентрическая концепция природоохраны, основанная на этике дикой природы (на наш взгляд, правильнее сказать: девственной, нетронутой природы, что более соответствует традициям русской литературы). Эта идеология присутствует в работах многих зарубежных и отечественных деятелей природоохраны и наиболее полно обобщена В. Е. Борейко [3]. Зоны абсолютного покоя, полного отсутствия следов воздействия человека, по сути — священная девственная природа, являются вершиной деятельности, к которой обязан стремиться заповедник. Однако требовать, чтобы каждый заповедник отвечал этим критериям, нереально, поскольку тогда многие заповедные территории утратят право называться таковыми.

Третий вариант развития системы ООПТ — научно-экологическое направление, основанное на концепции классических заповедников, заложенное В. В. Докучаевым, Г. А. Кожевниковым, И. П. Бородиным, В. П. Семёновым-Тян-Шанским и развитое Ф. Р. Штильмарком. Практически все заповедники СССР и России до 2000 г. проектировались на основе этой концепции, которая предусматривала полное прекращение хозяйственной деятельности, экологическую автономность территории и единственную законную продукцию — научную, в том числе «Летопись природы» и результаты многолетнего ландшафтно-экологического мониторинга. Воздействие научных исследований на природные комплексы должно быть минимальным, без изъятия из природы живых организмов и их регулирования, что для нужд науки с успехом можно делать в охранной или специальных зонах за пределами самого заповедника.

Таким образом, необходимо отделить друг от друга две основные концепции природоохраны — первую и третью. Заповедники должны оставаться заповедниками, а разнообразные, в том числе биосферные, полигоны и зоны рекреации и туризма — хозяйственными субъектами за пределами охраняемых территорий. То же самое следует осуществить и в пределах национальных природных парков. В специально выделенных особо охраняемых зонах должен осуществляться полный заповедный режим. Эоцентрическая концепция, основанная на этике девственной природы, должна стать ориентиром отечественного заповедного дела. Таким нам видится оптимальное решение длительных споров сторонников различных взглядов на выбор режима заповедников России.

Необходимо отказаться от экспансии на острова выживания девственной природы, уже ставшие заповедниками или нуждающимися в защите. На территории России есть достаточно места для всех категорий особо охраняемых и охраняемых природных территорий. Следует также отказаться от элитного и экологического туризма в заповедниках, который ставит под угрозу сохранность последних мест вольного обитания исчезающих биологических видов, а техногенное вмешательство уродует самые красивые пейзажи страны.

Для целенаправленного и эффективного управления федеральной заповедной системой нужен специализированный государственный орган, независимый от Министерства природных ресурсов и экологии: образцы нетронутой природы — это не ресурс и недвижимое имущество, а уникальные природные системы и сообщества живых организмов — важные гаранты нашей экологической и национальной безопасности.

О создании (точнее, восстановлении) государственного органа по управлению федеральной системой ООПТ и для охраны природы в целом говорится уже много лет. Хочется считать обнадеживающим заявление фактического руководителя заповедников и национальных парков России В. Б. Степаницкого, прозвучавшее на Международной конференции, посвященной 100-летию заповедного дела, в Сочи 5 декабря 2016 г., о необходимости создания Федерального агентства по особо охраняемым природным территориям [28]. От решения вопроса об управлении федеральными и региональными ООПТ зависит будущее заповедного дела России.

Разумная и неразумная деятельность человека (на наш взгляд, различить эти два понятия очень сложно) привела к коренным изменениям ландшафтов Земли. Естественные науки в конце XVIII–XIX вв. стали изучать ландшафты уже в их сильно измененном состоянии в результате длительного воздействия различных культур. С середины XIX в., в первую очередь в странах Запада, начались процессы осознания необходимости сохранения островов выживания малоизмененной природы.

В России эти идеи развивали В. В. Докучаев, И. П. Бородин и другие классики заповедного дела. Этическую заповедь «охранять первобытную дикую природу ради нее самой» последовательно развивал Г. А. Кожевников [16]. Но одновременно с термином «дикая природа» для обозначения первобытных ландшафтов в России применяется понятие «девственная природа». Его содержание одним из первых в отечественной литературе раскрыл А. Н. Бекетов, отметивший, что выражение «девственная природа» подразумевает осквернение природы человеком [29].

В середине XIX в. ученые еще не до конца понимали опасность утраты девственной природы для духовной жизни. Острее чувствовали необходимость созерцания девственной природы поэты и писатели, задолго до ученых-естествоиспытателей осознавшие важность уголков нетронутой природы для существования самого человека. В начале XXI в. мы по крупницам собираем осколки девственной природы на фоне обезображенных или уничтоженных ландшафтов. А. Н. Бекетов писал: «Чем образованнее страна, чем менее препятствий человек встречает в климате и других физических причинах, тем естественно меньше в этой стране девственных мест» [29, с. 500].

С сегодняшних позиций хотелось бы так продолжить мысль замечательного ученого: чем больше потерь понесли первозданные ландшафты от воздействия человека, тем больше усилий должны прилагать наука, власть и бизнес к сохранению и воссозданию уникальных уголков дикой, а по-русски правильнее сказать — девственной, природы.

Научное обеспечение этой важнейшей миссии, отвечающей интересам не только экологической, но и национальной безопасности нашей страны, должны взять на себя, как это и было 100 лет назад, Российская академия наук и Русское географическое общество.

Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда (17–17–01091).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Столетие** Постоянной природоохранительной комиссии ИРГО: Сб. статей / Сост. А. А. Чибилёв, А. А. Тишков. — М.: Изд-во РГО, 2012. — 94 с.
2. **Чибилёв А. А., Краснова Т. В.** Актуальные страницы истории заповедного дела на территории России и сопредельных стран // Изв. Самар. науч. центра РАН. — 2013. — № 3 (7). — С. 2074–2081.
3. **Борейко В. Е.** Этика и менеджмент заповедного дела. — Киев: Изд-во Киев. экол.-культур. центра, 2005. — 328 с.
4. **Черных Д. В.** Особо охраняемые природные территории и основы территориальной охраны природы. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. — 227 с.
5. **Карамзин Н. М.** Записки старого московского жителя: Избранная проза. — М.: Московский рабочий, 1986. — 527 с.
6. **Рерих Н. К.** Человек и природа: Сб. статей. 2-е изд., испр. — М.: Междунар. центр Рерихов, 2005. — 140 с.
7. **Чибилёв А. А.** Истоки современных проблем заповедного дела в России // Карельский научный журнал. — 2016. — Т. 5, № 3 (16). — С. 89–95.

8. Чибилёв А. А. История и современное состояние заповедного дела в России // Вестн. РАН. — 2017. — Т. 87, № 3. — С. 29–39.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. — М.: Астрель, 2001. — Т. 1. — 1158 с.
10. Вильдермет Г. О пользе выдела заказных рош // Лесн. журн. — 1837. — № 9. — С. 12.
11. Любавский А. Понижение имущественного ценза для образования заповедных имений // Юридическая монография и исследования. — 1878. — Т. 10, ч. 1. — С. 467.
12. Докучаев В. В. Труды экспедиции, снаряженной Лесным департаментом под руководством проф. Докучаева. — СПб., 1895. — С. 23–25.
13. Штильмарк Ф. Р. Историография российских заповедников (1895–1995). — М.: ТОО «Логата», 1996. — 340 с.
14. Соловьёв Д. К. Типы организаций, способствующих охране природы // Сельское хозяйство и лесоводство. — Птг., 1918. — 45 с.
15. Конвенц Г. Практика охраны памятников природы / Пер. с нем. Е. Кривошеевой. — Киев: Изд-во Киев. экол.-культур. центра, 2000. — 88 с.
16. Кожевников Г. А. О необходимости устройства заповедных участков для охраны природы // Труды Всерос. юбилейного акклиматизационного съезда. — М., 1909. — Вып. 1. — 220 с.
17. Кожевников Г. А. Вопрос об охране природы на Естественно-историческом совещании Центрально-промышленной области // Живая природа. — 1928. — С. 12.
18. Чибилёв А. А. О восстановлении деятельности Природоохранительной комиссии Русского географического общества // Использование и охрана природных ресурсов в России. — 2011. — № 1. — С. 55–58.
19. Чибилёв А. А. Постоянная природоохранительная комиссия Русского географического общества (1912–1918–2012) — пути воссоздания и ближайшие задачи // Вестн. УрО РАН. Сер. Наука. Общество. Человек. — 2012. — № 4. — С. 59–69.
20. Калихман Т. П. К 100-летию Природоохранительной комиссии Русского географического общества // Изв. РГО. — 2012. — № 3. — С. 24–37.
21. Саразен П. О задачах мировой охраны природы. Мировая охрана природы // ИРГО, Постоянная Природоохранительная комиссия. — Птг., 1915. — № 2. — С. 14–72.
22. Тишков А. А. Заповедное дело в России: сто лет спустя после создания Постоянной природоохранительной комиссии Императорского Русского географического общества // Столетие Постоянной природоохранительной комиссии ИРГО. — М.: Изд-во РГО, 2012. — С. 21–27.
23. Штильмарк Ф. Р. Лукоморье — где оно? — М.: Мысль, 1993. — 335 с.
24. Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об особо охраняемых природных территориях» [Электронный ресурс]. — <http://docs.cntd.ru/djdocument/9010833> (дата обращения 16.11.2016).
25. Вайнер Д. Р. Экология в Советской России / Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1991. — 400 с.
26. Чибилёв А. А. Введение в геоэкологию (эколого-географические аспекты природопользования). — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1998. — 124 с.
27. Борейко В. Е. Три идеологии современного заповедного дела // Гуманитар. экол. журн. — 2001. — Т. 3, вып. 1. — С. 33–42.
28. Международная конференция «Заповедное дело. Итоги столетия» [Электронный ресурс]. — <http://www.wildnet.ru/события-заповедных-островов/1032-mezhdunarodnaja-konferentsija-zapovednoe-delo-itogi-stoletija> (дата обращения 13.02.2017).
29. Бекетов А. Н. Очерки девственной природы // Рус. вестн. — 1858. — Т. 15. — С. 499–526.

Поступила в редакцию 27 февраля 2017 г.